

Рауан Даулеткалиев

**Плачущий
в ночи...**

Рауан Даулеткалиев

Плачущий в ночи...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43312506

ISBN 9785005007483

Аннотация

Эта история возможна в жизни каждого из нас, которая случается по-разному. Все мы когда-либо находились в заточении у судьбы и не могли найти выхода из ситуации. Данный любовный триллер покажет вам историю моей любви. И думаю, каждый из вас сможет увидеть себя в этой книге и проанализировать. Самое главное – эта книга оставит в ваших сознаниях незабываемое послевкусие.

Содержание

Плачущий в ночи...	5
Введение	6
Дорогой читатель!	7
1	8
2	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Плачущий в ночи...

Рауан Даулеткалиев

© Рауан Даулеткалиев, 2019

ISBN 978-5-0050-0748-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Плачущий в ночи...
Автор: Даулеткалиев Рауан

Введение

Дорогой читатель!

Дорогой мой читатель, каждый, возможно сможет найти себя в моем рассказе о любовном триллере. Каждый из нас, как ни как соприкасается с крутыми поворотами судьбы-злодейки. И борется с её причудами, как умеет.

Дорогой мой читатель, надеюсь ты всё понимаешь... Я буду краток.

Эта история связана напрямую с моей жизненной данностью и переплетается с ней тесно. О, как бы я хотел, чтобы всё это было простейшим вымыслом. Здесь нет имён, дабы ты смог одеть мою обувь и прогуляться по страницам короткой, но насыщенной событиями книги. Начни читать первую страницу, а я буду неустанно следовать за тобой и проживать моё время заточения снова и снова вместе с тобой. Обернувшись в темноте, я буду рядом и не оставлю тебя. Поверь мне.

И если, начав первую страницу, тебя ничто, никак не затронет, то закрой напроць эту книгу; она не для тебя. И пускай так и будет. Да, возможно тут много боли и слёз; возможно кто-то найдёт рассказ поразительным для себя и сопоставит свою жизнь и то, как возможно находится уже долгие месяцы, годы в заточении и никак не может найти сил, чтобы выбраться из порочного круга жизненных событий.

Итак, как я уже сказал; я буду краток. В дорогу...

1

Долгая ночь еще нам предстоит, правда, детка? Ты слышишь меня? Прости меня, любимая, что подверг тебя этому... Прости, слышишь?.. Я никак не могу тебя защитить, и поэтому тебе приходится все это терпеть, как и мне...

Но она не слышала меня, она была где-то очень далеко, в некоем забытье. Казалось, что, какая-то тайная грусть легла на ее губы, и от этого мне не становилось легче, совсем нет.

Я думал лишь о том, что может быть сон как-то придаст ей сил, и на некоторое время заберет от той реальности, в которой мы сейчас пребываем.

Слезы сами капали прямо ей на лицо, шею и медленно стекали вниз, одновременно смывая сажу, омывая ссадины на ее нежной коже.

Я держал ее голову на своих коленях, боясь содрогнуться и дышать, чтоб только не разбудить, только бы не разбудить.

Но внезапно все вдребезги разбилось, тишина была прервана гулом, и громким звуком шагов, спускавшихся вниз; от этого мы оба содрогнулись в страхе, от того, что же еще выкинут эти демоны в человеческом облики. В мгновение мы отпрянули друг от друга, так как знали правило, что хозяина надо встречать в разных углах и он не любит, когда мы сидим рядом.

За это мы не раз получали, и даже бывали попытки вос-

прянуть духом и восстать всем рвением, чтоб хоть как-то защитить нас обоих, но все, всегда заканчивалось тщетно.

Он всегда умеет добиться своего, и знает людскую психологию и осознает на какие больные точки нужно нажать, чтоб любые попытки дерзости испарились в секунду.

А тем временем, звуки приближались медленно, но верно. И даже этим медленным шагом он легко мог манипулировать нами. Игрался ли он с нами? О, да! Уж я-то прочувствовал его мерзкую сущность; поверьте, в нем кишат тысячи червей, от него смердит за километр.

Тем временем, мы смотрели и ждали, сидя в металлических цепях, которых человеческим рукам не разорвать. Цепи были явно тяжелыми и заржавевшими, давали понять, что скорее всего в них уже кто-то был ранее закован. Кто еще находился в этих кандалах? Кто еще тут бился в муках боли и душевных страданиях, кто еще был так же ничтожен и беспомощен, как я сейчас? Кто же те люди, которые скорее всего тешились надеждой, что выживут, но уже упокоенные вечным сном... На эти вопросы я не мог найти ответа, даже одной разумной мысли не находил. Да и какие мысли могли быть в голове, когда все жизненные процессы замедлились. Я уже несколько дней как перестал давать себе отчет в смене дня и ночи, вспоминать о каких-то приятных, счастливых моментах своей жизни и улыбаться, что в начале и придавало мне сил продолжать дальше ползти вперед по пути выживания. Единственное, что сейчас ощущается явно, так это сла-

бость; жизнь покидает меня, она отвернулась и прошла уже немалый путь от меня. Я ей кричу, бегу за ней и призываю вернуться, но мой голос так немощен, бег замедляется, и я останавливаюсь, долго, смотря ей вслед, с грустью понимая, что надо отпустить и простаться.

Забавно порою понимать, когда ты не можешь чего-то уже вернуть, или изменить. Секунда пролетела, и стрелка не вернется назад, если только не изменит ход событий, через свой круговорот по циферблату.

А, как и что изменится в дальнейшем, лишь остается уповать на одного Всевышнего! Вот где ты осознаешь значимость Бога в своей жизни. Есть только ты и Он; и ты молишь его о прощении, просишь спасти твою душу, надеясь, что ты будешь услышан, и прощен!

Перебираешь моменты, как и где возможно пролетел грех, где была допущена ошибка. Но мы же люди, мы всегда видим, то, что хотим, думаем и в конечном счете оправдываем себя.

Я успел взглянуть в ее глаза, прочитав в них усталость и сожаление, а больше всего жалость ко мне. Ведь и меня она жалела, и я был в ее глазах таким же созданием, которого она хотела уберечь и укрыть от страданий в своей теплой улыбке и объятиях. А теперь и уверен больше, что также продолжала любить, как бы любовь сейчас не была ни к месту для ее проявления.

Дверь отворилась наспех и нараспашку. Так обычно в былые дни открывались двери, когда близкие мне люди заходили в помещение, будто бы “ Surprise!!!» А вот и я, не ждали?! Также и у него получилось довольно-таки феерично, но только с другой интонацией в движении.

Улыбка, чего только стоила его улыбка. Она была простенькая, как будто бы даже дружелюбная и теплая. А глаза, глаза источали тепло света. Типичное ангельское личико, посмотрев на которое даже близко и мысли не пробежало бы, что обратная сторона этого лица – вовсе иное.

Ну заходи ублюдок, чем ты нас сегодня удивишь – подумалось мне.

Заходи, мы тут все свои, ты нас знаешь, снова пришел вкушать запах моего пота и страха?! Закончился этот фермент в крови? Ломки? Заходи, сейчас я тебя досыта им накормлю.

Только имей дело со мной, – ты, тварь земная! Не смей подходить к ней! Не то я тебя из-под земли достану! Я вернусь по твою мерзкую душу, обволоку ее в своем объятии, и мы вечно будем вместе, а там под землей, я не пожалею и тысячелетий, чтобы поквитаться с тобой, и поверь мне – это будет очень увлекательно. Я буду из кожи вон лезть, чтоб ты вдоволь наигрался со мной.

Все эти отрадные думки были лишь внутри, в моем сознании, я их не решился вынести наружу, ибо еще не настало время. Ибо расплата должна быть неожиданной, как бросок гремучей змеи. Лишь не стоит его предупреждать о сво-

их намерениях. Пусть думает, что я примирился и сломился в воле своей. Пусть все идет по замыслу хозяина.

А мое время еще придет! Высшие силы и силы моих предков не покинут меня тут погибать, нет! Только не мы, только не мы...

Взяв стул и удобно туда присев, как всегда разговор начался с его подачи:

– Ну, как вы тут поживаете? – вопрос больше был риторического характера, и ответа он, следовательно, не ждал, но я решил вступить с ним в беседу.

– А ты не видишь? – спросил я, немного хрипя в голосе

– Ну вот, смотрю на вас обоих и думаю, какой подарок судьба преподнесла то!

Таких голубков то и сюда ко мне. Чтоб не было вас теперь только двое, появился и я. Нас теперь трое, и я так счастлив этому!

– Да, вы хоть понимаете, что я люблю вас теперь? Вы стали мне как это сказать, забыл это слово... а, как родные! Никогда меня особо не любили, но от вас я чувствую что-то другое, как будто родство душ, – понимаете? Вы особенные люди, и это меня даже заводит еще больше.

Я молчал на тот момент, и не мог внимать тому, что за чушь несли его поганые уста.

Пытался понять, что за игру он снова затеял с нами; или он просто испытывает нас? Но в любом случае, и ни в коем случае нельзя было идти ему в резонанс. У таких на голову

больных психов в голове свой расклад, свое мировоззрение, свое Я.

Дальше говорил лишь наш хозяин, мне казалось, что он любит, когда его слушают. То внимание, которое оказывали ему мы, было нам на руку. Быть может за это он и держал нас все еще живыми, хотя слово «живыми» очень громко сказано. Скорее всего полумертвыми. Но речь сейчас о другом.

Мне ни раз говорили, что я умею слушать собеседников, и смотрю им в глаза, также мог запоминать любые мелочи их жизни и это их радовало и даже этого «Мамино сына». Задавать ему вопросы о его жизни было составной частью нашей односторонней беседы.

Ведь, он мог подумать, что его не слушают, а это очень огорчило бы и не сыграло бы в нашу пользу.

Тяни время, сказал я себе, тяни. Еще один день, и пока мы живы, значит есть еще шанс остаться в живых.

Возможно, ранее, если таковые и были пленники, как мы – могли хныкать и реветь, умоляя отпустить и сжалиться. И быть может он негодовал от этих просьб. Ведь кому могут понравиться постоянное нытье и взывание о жалости. Жалость ему не присуща!

А посему, мы живы лишь благодаря тому, что перестали этого делать сразу же, как поняли в какую пропасть и логово зверя мы угодили.

Я все пытался разобраться в его сущности. Ведь он, если подумать холодной головой, тоже человек, состоящий

из плоти и крови. Значит, должны быть и его больные точки.

Конечно же, я не в том положении, чтоб нажать на них, но и это могло пригодиться.

Выиграть я мог, если смогу угадать его настроение, а значит сказать нужные ему слова, а значит и успокоить и, следовательно, мы останемся целее на этот или день грядущий.

Я стал понемногу засыпать от гнусных и скучных рассказов, как казалось мне даже где-то и вымышленных. Только я закрыл глаза, как получил сильную встряску ударом по лицу, а дальше пошли удары по реберной части моего уже успешшего исхудать грязного и источающего неприятный запах тела. Удары приходились довольно таки сильными, так как носок его ботинка был резиновым. Я скрючился как младенец, продолжая неистово принимать каждый удар, что отзывался в моем мозгу, а моя девушка кричала и пыталась накрыть меня собой, чтоб хоть как-то облегчить мои муки.

Дверь неожиданно снова отворилась и показался силуэт его Матери. Она грозно приказала, закругляться с нами и идти к столу на ужин. Ответ был наимилейшим:

– Иду, Мамочка!

Этот душегуб быстро поднялся по лесенкам, затворив после себя дверь на замок, и мы снова остались наедине в крошечной тьме.

– Детка, не плачь, прохрипел ей. Я в порядке. Не такие уж и сильные удары.

А она продолжала тихо плакать, обнимая и согревая нас.

Так мы и уснули вместе.

Ночь показалась мне долгой, и я словно погрузился в глубочайший сон. Я не был тут, я был там, там, где много солнца, там, где мы много смеялись и шутили, и ни в чем себе не отказывали.

Видится мне, как шагали мы по горло в Средиземном море на отдыхе с моей любимой. Вернее, я был лошадкой для нее, а она висела на моих руках в воде и мне не доставляло труда сдерживать ее вес на плаву, хотя она гораздо меня тяжелее, уж поверьте.

Плескались в прохладной воде, радушно смеясь и подшучивая друг над другом. Цвет моря был светло – зеленого драгоценного камня, и его никак ни забрать, ни украсть. Все остается в памяти, только в памяти; как жаль...

Путешествия людей сближают, общение людей оголяет, прикосновения объединяют в одно целое настолько близко, что порою сам можешь не заметить, как тело отзывается на боль близкого человека такой же болью. Время бежало, месяц за месяцем нашего приближения к истинности нашего нутра. Слова больше были не нужны, теперь главенствовали наши чувства, поцелуи и прикосновения.

Ведь, так обычно люди и влюбляются, не так ли? Самое интересное, что у нас есть разница в возрасте, но это не мешает нам. Обычно, мы вдоволь наговариваемся после долгого и тяжелого рабочего дня, напиваемся сладким сухим ви-

ном, что обжигает стенки желудка и в то же время нежно расслабляет, оставляя при этом неповторимый вкус сладкого вечера в сознании. А после, как наговоримся, то засыпаем в объятиях и можем проснуться в разных углах нашего ложа. Полагаю, что у всех любящих пар происходит все в точности, как и у нас.

Отрывками, иногда при этом пробуждаясь и снова засыпая, вижу, как мы катались на большом аттракционе, который, по-моему, назывался «Лавица». Ох, как же я смеялся в тот вечер, скорее всего у меня был истерический смех, а она глядела на меня и кричала так громко, что порою мне закладывало уши и от того я смеялся еще громче и истеричнее, как клоуны на цирковом представлении.

Ну, а машина громко и резкими рывками то вздымала нас в небо, то резко опускала, ветер крутил наши волосы в разные стороны света. Вокруг шумели и бегали ребяташки, наблюдая за нами и отрадно смеясь. Я смотрел в ее глаза, как же они были наполнены пятиминутным счастьем и весельем. И казалось нам тогда, что кидало нас то в Рай, то приземляло в наш мир, а меж ними пересекали семь слоев неба.

Частенько хвалилась, что будто бы ее невозможно вывести из психологически уравновешенного состояния, по началу она действительно казалась мне – «Железной леди», которую не прошибить никакими невзгодами судьбы или необыкновенной радостью. Но теперь то, я уж предельно понимаю, что все это было лишь первым знакомством с другой

вселенной, с человеком теперь любимым, родным.

Я пробился чрез всю толщу замкнутого пространства. Я сумел расплавить лед в ее сердце, призвав на это теперь уже теплое место – весну, и разбавив морем ярких красок.

Нас шатало в разные стороны, как только мы слезли с этой машины времени; все вокруг кружилось, будто захмелели от сладчайшего вина, вкус которого по сей день остался у нас на губах, вкусить который можно, если соприкоснуться в поцелуе. Испить бокал медового нектара вдвоем; разбавить с другими сортами напитка, а затем соединить вкусы этого букета ароматов и сортов спелого винограда с давно поспевшим гранатовым плодом.

Но это был всего лишь сон, и как я уже говорил, таких приятных и по крупицам собранных отрезков не прожить заново; в том то и немного обидно и даже присутствует разочарование – что можно лишь вспоминать, зато это было...

Не буду лукавить и признаюсь себе сам, что были и пасмурные дни. А разве кто – то утверждал, что облачность – это всегда плохо? Это было и будет неотъемлемой частью в отношениях у каждой из любящих пар. Невозможно всегда дарить радость и тепло. Можно и устать от постоянного солнцепека. Главное не перегреться, и ждать, когда придет дождь, но дождь обычно начинает капать сам, и не предупреждает вас об этом.

А как гроза и ливень пролетят мимо, оставив после се-

бя свежайшие глотки воздуха, то можно вздохнуть полной грудью, появляется желание прогуляться по вечернему переулку вместе; все становится предельно ясным, что бабочки в животе не только летают, но и начинают петь; воспевают балладу о любви, раскрывают свои крылышки с новыми силами и порхают, источая какие-то волшебные и не понятные еще тебе новые эмоции.

Лежа здесь теперь и все еще вместе, я верю, что притирки были нужны нам; именно благодаря им, возможно стать единым целым.

В течение всей ночи мы нежно переплетались в объятиях, поочередно согреваясь. По не обыкновению было тихо, впервые за все эти дни; перевернувшись на другой бок, не осознанно пробежала мысль – почему так тихо? Глаза уже давно приноровились к темноте, и я мельком увидел глаза, сияющие в злой ухмылке, сон подумал я, но я ошибался. Быстро осознав, что на нас смотрят в темном уголке этого крошечного и заброшенного замка уныния и страха – я быстро отодвинулся и отскочил к своему углу.

Моя цепь зазвенела, и я оттянул ее ближе к себе, как будто она была моим одеялом, которым я мог прикрыться, и спрятать свою наготу. Прерывистое дыхание не давало мне успокоиться, давление росло с каждым мгновением. Пульс прибил к вискам, что еще больше увеличивало ощущение боязни этих ядовитых глаз. Мне казалось, что взор приблизит-

ся ко мне, проползет незаметно по всему этому расстоянию и молниеносно ужалит; ужалит сильнейшим ядом и проникнет во все мои клеточки, что в принципе уже и происходило.

Взгляд действительно приближался ко мне; зачем я подумал об этом? Я сам спроектировал этот исход, да, по моим глазам легко прочесть ход мыслей. Что же я наделал? Ну крепись тогда, раз не умеешь скрывать ничего в себе.

Глаза продолжали смотреть, молчать и близиться. Вот они, уже совсем рядом, еще ближе, теперь они глазают в мое обезображенное лицо и вдруг почувствовалось прикосновение чего-то холодного и острого к животу. Острое лезвие своим наконечником уткнулось в плоть, раскраивая кожу и изливая кровь. Оно вело все выше, и выше постепенно оставляя тонкие следы ножа. А затем в мгновение ока, вдруг оказалось возле горла. Я был снова унижен и так близок к смерти. Темный демон приблизился ко мне, чтобы принорочиться к моему страху, насладиться чудесными и сладострастными ощущениями, некий наркотик словно пьянил его. Очи закрылись и виднелось, как он получает удовольствие от всего процесса.

Острое копьё, напивавшееся моей кровью, вонзалось еще глубже. Все нервные окончания сосредоточились теперь на одной точке, точке между временной жизнью и вечной смертью. Тело начало ныть истомными болями и больше не могло терпеть такой пытки.

Я нервно думал, когда эти издевательства завершатся? Всего одно движение вперед, всего один не осторожный рывок кого-то из нас, и исход будет наконец-то неизбежен.

А может мне податься на встречу клинку смерти? Всего лишь протерпеть эту разящую боль и всему будет положен логический конец. Или испытывать себя дальше? Тут уж, каждый сам найдет для себя правильный ответ, каждый сам решит на что может пойти, чтоб прожить еще один день, вздохнуть еще одним глотком воздуха и увидеть близкого человека, который нуждается в тебе, как бы тебе сейчас не было срамно во всех уголках твоей необъятной души. И как бы не текли твои слезы, нужно терпеть, как бы отвратительно тебе ни было подумал я; я должен оставаться тут; ведь если сдамся, то падут духом и остальные.

Не оставляй тут ее одну, тихо вторил мне разум и лишь к нему теперь я приложился всем сердцем.

Холодное и тонкое тело медленно ложилось на меня, а нож неукоснительно продолжал напоминать о своем присутствии; и тихо пришептывал: – «Без шуток парень, я тебя контролирую!»

Что же ещё я мог сделать, лишь как не отвернуться в сторону, и представлять, что все это закончится, закончится, **ЗАКОНЧИТСЯ!!!**

Слезы текли, а молитвы словно не могли вылететь из толщи этих стен. Они бились рикошетом об каждый угол и воз-

вращались ко мне эхом. И я понимал, давал себе отчет, что попал в бездну земли, где очень глубоко, сыро и мерзло. И даже никакие птицы из высшего создания, летающих так высоко на небесах не залетают в такую яму, чтоб я мог закинуть им на крылышки свои искренние молитвы, и крики мольбы.

Мне было жаль, жаль себя и ее, мое мужское начало ничего не говорило мне и не оставляло ничего взамен.

Но мои молитвы были услышаны, отголоски надежды все-таки пробили толстый слой здешней тьмы. Доброе знамение пришло, когда вдруг он сам начал задыхаться в своем притоке удовольствия. Слишком много человеческого адреналина получать нельзя, иначе сам начнешь наполняться им. Ему – это не понравилось, он поморщился и лицо его исказилось. Картина была, будто бы он съел что-то очень затхлое и отвратительное на вкус. В головокружении, как сбитый мотылек, он начал отходить от меня, а затем и вовсе закашлялся.

Спавшее рядом мое единственное тут сокровище, уже успело резко проснуться и медленно отползти в свой безопасный угол, не ясно понимая, что же тут только что произошло.

А наш недруг дальше продолжал кашлять и кружиться по стене, стараясь облакачиваться и шатаясь при каждом новом шаге на пути к лестнице.

– Что случилось? – спросила она меня.

– Кажется он болеет чем-то – ответил я.

– И чем же?

– Пока еще не знаю, может быть он астматик? Сам ничего не понял, если честно

– А что он тут делает? Я испугалась, что вы тут делали?

– Он снова угрожал мне ножом и играл со мной, но теперь я понимаю, так дальше нельзя.

– В смысле? – очень резко спросила она.

– А в прямом, мне нужно спасти нас обоих, я больше не буду сидеть сложа руки и давать нам обоим тут уничтожаться и наблюдать, как мы истощаемся.

– Но, как? Как мы это сделаем? Это невозможно, за нами наблюдают три пары глаз, мы взаперти, прибиты к стене и давно забыли вкус еды и воды. Даже сил, чтобы разговаривать нет, а ты говоришь – спасенье.

Да, она все говорила верно, я не мог поспорить ни с одним ее словом и выданной при этом интонацией. Мне пришлось молча съесть горечь этих слов.

Недолго думая, я решил утешить ее и узнать, как она себя чувствует; нельзя было нам теперь огорчаться данности. Подползая все ближе, произносил ее любимые слова, которые обычно говорил, когда мы мирились после ссоры. Она подалась ко мне в объятия, и я крепко, что было мощи окутал ее в своих руках. Лежа на коленях, как и раньше я смотрел в ее черные и искренние глаза, наполненные любовью, а она смотрела в мои и нежно приглаживала мои волосы. Так мы просидели долго, не говоря ни слова. Теперь на грани всего,

что было у нас на тот момент, было теперь нечего скрывать. Осознавая, что мы последнее богатство друг у друга.

– Ты знаешь, я ни чуточки не жалею, что познакомилась с тобой! – сказала она, мягко прервав нашу тишину

– Как? – недоумеваю спросил ее я.

– Тшшш.., дай договорить.

– Я хочу сказать, что все, что случилось с нами, никто, в этом не виноват и знай, что ни в чем я тебя не виню. Если так произошло, то значит мы это заслужили. Или такие уж мы с тобой неудачливые – улыбнувшись ответила она

Я улыбнулся с некоей болью, и думаю она это заметила.

– Знай, чтобы с нами ни случилось, я люблю и буду продолжать любить тебя даже после этой жизни. Я буду гордо держать твою руку на последнем издыхании, когда буду отдавать свою душу в небеса.

После этих слов, слезы сами покапали и громко ударились оземь. Я не переставал утирать их, а она продолжала смотреть в мои глаза. Некая мелодия тишины и искренности никогда прежде не слышанного нами, обволакивала, окружая нас и доносясь издалека, казалось теперь я понял, что же такое жизнь и любовь.

Даже сейчас я не могу описать всю гамму моих ощущений и никогда не смогу.

– Пообещай, что разыщешь меня в следующей жизни, и мы проживем ее там вместе, и вечно?

Я больше не мог сдерживаться и покатился в путанице

различных волнении. Взорвался и больше не мог молчать. Ком подступил к горлу и прожигал острым и обжигающим огнем. Пламя палило всю грудную клетку, и я разверзся в истерическом плаче. Сильно сжимая кулак и вонзая когти в ладони, ударяя ею по стене. Искра ярости и гнева тогда всполохнула во мне и теперь ее никто не мог потушить, даже я сам.

Слова больше не исходили четко и ясно, были слышны лишь всхлипывания и еле слышный рев.

Со рта покатались слюни, а слезы предательски выдавали и не хотели заканчиваться.

– Успокойся. Все будет хорошо. Пообещай, что мы встретимся?

– Я тебе обещаю, начал я, что мы проживем на этом свете еще долгую жизнь. Я не дам нам сгинуть с лица земли от рук этих... от рук этой стаи шакалов.

Немного погодя, успокоившись, мне захотелось разбавить нашу вечерю разговорами, но слова не шли и поэтому стал напевать тихо песню о синей вечности. Каждый вспоминал о наших плаваниях и плесканиях в соленом море и о долгих разговорах под палящими лучами золотого солнца.

2

Волнения то усиливались, то успокаивались, словно гребни волн постоянно накатывающих и уходящих обратно. К вечеру волны в море всегда нарастали, так и случалось в моем воображении. Меня нечаянно нахлынуло и приходилось утопать в этом водовороте; дыхание учащалось, пульс бился быстрее и лишь сердце противилось разуму.

Неужели я мягкотелый и сердобольный? Да, сердце начало отказывать тем сценам убийства, если посчастливится вырваться из плена. Кто я таков, как я могу совершить суд над ним и его членами семьи. Ведь по сути, он не был сексуальным насильником, да он избивал нас, но не насиловал, и это я прекрасно осознавал, и даже был благодарен ему за это; а может быть еще не вечер? Нет, думаю не похоже на это. Он не глумился над нами, а ее так почти совсем не трогал и не смотрел в ее сторону. Ему был важен я, но для чего? Этого я тоже не понимал. По крайней мере уверен, что в живых он держал ее для меня, а иначе потерялся бы всякий смысл дальше держать нас здесь. Можно было бы тогда стать живым трупом, а потом и вовсе мертвяком, так как больше буду не интересен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.